



27 октября 2005 Мария Бабалова

Д.Хворостовский: "Бесит, когда меня до сих пор воспринимают как сибирского валенка"

Было время, когда я обожал космополитизм, сознательно к нему стремился. И в принципе это не совсем прекратилось до сих пор. Мне нравятся люди, которые одинаково комфортно чувствуют себя в любой окружающей среде. Наверное, я тоже таким человеком уже стал или становлюсь. Хотя сноски и отступления всегда есть и очень большие. Ты неизбежно становишься чужим среди своих. Чужие же все равно своим тебя не признают, как бы ты ни старался. А чем больше ты стараешься, тем ненатуральнее это в итоге получается

После того как Дмитрий Хворостовский, самый знаменитый в мире российский оперный певец, неожиданно вышел за рамки привычного амплуа, исполнив наши самые главные песни - военных лет, его популярность перешагнула границы академических залов. Только что он завершил большой концертный тур по городам России - от Красноярска до Петербурга. Но Хворостовский снова планирует вернуться, чтобы дать старт своему новому масштабному проекту. Специально для "Известий" со знаменитым баритоном побеседовала Мария Бабалова

Forbes взял мои доходы с потолка"

известия: Вам лестно, согласно рейтингу журнала Forbes, оказаться в полусотне самых богатых знаменитостей России?

Дмитрий Хворостовский: Наверное, моему банкиру дали взятку, чтобы он раскрыл какие-то цифры, о которых я совсем не в курсе. Шутка, конечно. На самом деле это абсолютно нереальные, просто вымышленные цифры, взятые с потолка. Моя карьера - это не только зарабатывание денег. Я не бизнесмен. Как только я слышу цифры, мои уши увядают, а мозги немеют. Ничего страшнее уроков математики в школе не было в моей жизни. Любое сочетание двух-трех чисел приводит меня в полнейший ступор. Я зарабатываю на жизнь, на собственную старость и молодость своих детей своим голосом. Реально иных талантов у меня никогда и не было. Без музыки, без пения я никто. Я никогда бы не состоялся, у меня не было бы будущего. Я прекрасно отдаю себе в этом отчет.

известия: Ваша карьера развивается по траектории, заложенной вами, или в большей

степени под воздействием внешних обстоятельств?

Хворостовский: Она развивается так, как я мечтал еще подростком. Одна, вторая, третья роль. Все то, что я себе давно наметил, сегодня реализуется шаг за шагом. Я смог сам себя воспитать как русского певца вне системы, вопреки ей. Это как раз то, что, быть может, больше всего я хотел доказать себе и окружающим.

известия: По-вашему, русской вокальной школы не существует?

Хворостовский: Я вообще не верю в существование систем, конвейеров и школ. Нет универсальных методов и принципов для всех голосов. Это штучное дело. Если даже педагоги опытные и знамениты, удачи случаются крайне редко.

известия: А что Дмитрию Хворостовскому нравится в певце Дмитрие Хворостовском?

Хворостовский: Ничего не нравится. Каждый раз, глядя на себя, я ужасаюсь. Смотреть на себя, слушать свои записи я не могу. Мне все мучительно не нравится, меня все раздражает. Довольным собой я никогда не буду. Если подобное самоудовлетворение наступит, то мне срочно надо будет менять профессию.

"На родину, как и на маму, не обижаются"

известия: У вас теперь нет права в России быть обычным прохожим?

Дмитрий Хворостовский: Да нет, не могу пожаловаться. Люди не особо узнают на улице. Быстро все забывается. Сегодня очень сложно примелькаться на телевидении, да я к этому и не стремлюсь. Хотя внимание людей всегда приятно. Приятно, когда тебя узнают люди, говорят добрые слова. Стыдного в этом ничего нет. Любому человеку нужна любовь, а артисту в особенности.

известия: Песни военных лет оказались едва ли не самым заметным музыкальным событием национального масштаба последнего времени.

Хворостовский: В принципе это было предсказуемо. Уж слишком сокровенный для нашей страны репертуар я затронул. Эти песни - дань моей памяти людям старшего поколения. Ведь каждая семья в нашей стране кого-то из близких потеряла в этой войне. Эти песни - лучшее за все годы наших несчастий и нищенствования. И то, что на деле получилось, превзошло все мои ожидания. По характеру я пессимист и циник в некотором роде. Поэтому я всегда предвижу худшее. Но в военных песнях, может быть, еще таким образом реализуется моя ностальгия. Когда пою, то с трудом сдерживаюсь: комок к горлу подкатывает.

известия: Но теперь для России вы стали популярным эстрадным певцом.

Хворостовский: В России сегодня нет настоящего оперного театра. И нет возможности

работать так, как я это делаю в нью-йоркской Metropolitan с Джеймсом Левайном или в лондонском Covent Garden с Антонио Паппано. То, что звучит у нас в опере, невыносимо слышать. Я не могу. Мне стыдно. Но мне бы не хотелось присоединять свой голос "издалека" к довольно большому шуму вокруг этого вопроса. Единственный, с кем я мог бы сделать в России что-то оперное, - это Валерий Гергиев с его Мариинкой. Но с ним не получается, потому что нет времени для обстоятельной работы и репетиций. Все, что получается, это всегда тяп-ляп на первой космической скорости. Правда, тяп-ляп гениальный. Мне очень понравился наш опыт гастролей в Японии с "Евгением Онегиным" и "Войной и миром". Прекрасно получилось. Я недоверчивый человек, а с Гергиевым знаю: с ним в любой омут можно - выплывем. Но хочется, чтобы "экстрима" было меньше.

известия: Что больше всего запомнилось из поездок по стране?

Хворостовский: Помню Волгоград, Смоленск, Красную площадь в Москве, Дворцовую в Петербурге, полный стадион в Новосибирске. И поле доброжелательности, любви, десятки тысяч уважающих и обожающих тебя людей. Такое не забудешь никогда.

известия: А чем вы объясняете специфическое, с оттенком какой-то зависти отношение к себе в родном Красноярске?

Хворостовский: Стоит ли вообще об этом говорить. Все стерпится. Ничего страшного. На родину, как на маму, не обижаются.

известия: Своему маленькому сыну Россию хоть немного уже показали?

Хворостовский: Максиму сегодня только два года, и он еще не готов к подобным путешествиям. Но он уже познает Россию, потому что постоянно слышит русскую речь. Для меня важно, чтобы он любил и понимал русский язык так же хорошо, как и французский, - родной язык своей мамы.

"Было время, когда я обожал космополитизм"

известия: Успешность и космополитизм - это две стороны одной медали в нынешнем мире?

Хворостовский: Думаю, да. Было время, когда я обожал космополитизм, сознательно к нему стремился. И в принципе это не совсем прекратилось до сих пор. Мне нравятся люди, которые одинаково комфортно чувствуют себя в любой окружающей среде. Наверное, я тоже таким человеком уже стал или становлюсь. Хотя сноски и отступления всегда есть и очень большие. Ты неизбежно становишься чужим среди своих. Чужие же все равно своим тебя не признают, как бы ты ни старался. А чем больше ты стараешься, тем ненатуральнее это в итоге получается. Но профессия - странствующий оперный артист, знакомый многим людям, меня обязывает быть человеком мира. Когда я чувствую, что меня до сих пор воспринимают как сибирского валенка, меня это бесит.

Некоторые люди свято убеждены, что в России по улицам медведи ходят. Какие небылицы им ни расскажи, они верят. Многие ничего не знают другого, кроме того, извините, что у них есть под одним местом. И не только в Америке, но и в той же Англии. И в России, к сожалению, тоже. Вот мы, русские, - великая интеллектуальная нация высокой морали, литературы и музыки. Мы всем этим кичимся, хотя на сегодня это уже во многом миф. Но, в конце концов, ради Бога, - что бы люди ни думали, лишь бы это им помогало жить.

известия: На ваш взгляд, люди стали глупее?

Хворостовский: Не думаю, что глупее. Просто мозги людей стали более узконаправленными исключительно на ту информацию, которая нужна им в работе. А все то, что находится за пределами их "служебной необходимости", повергает их в полное уныние и растерянность из-за незнания предмета. Мне кажется, в XIX веке, в середине XX века люди были более гармоничны. Сейчас главным в жизни становится "карьера", а значит, человек стоит перед необходимостью с максимальной рациональностью использовать свое время для достижения этой цели. Поэтому ныне классическая музыка, искусство в целом очень часто оказывается вынесено за пределы потребностей и даже просто интересов людей.

известия: Почему современной религией стала карьера?

Хворостовский: Таковы условия жизни. Карьера - это все. Особенно для мужчины, потому что карьера - это деньги и положение в обществе.

известия: И искусство так же, как и все остальное в мире, впадает в наркотическую зависимость от денег?

Хворостовский: Это естественный процесс. Живя на Западе, я давно с этим свыкся. Все искусство зиждется на щедрости разных меценатов, которые платят за театральные постановки, за твои личные выступления. Потому что практически ни в одной стране мира государство не поддерживает искусство. И общение со спонсорами, реверансы в их сторону уже давно вошли в моду, стали привычными и не кажутся мне какими-то потугами. Хотя я так и не стал светским человеком, но понимаю, что подобные встречи - обязательная часть моей работы.

"Я больше на метро не езжу и детей не пускаю"

известия: Что нового собираетесь добавить в список ролей?

Хворостовский: Много всего. Есть Яго, Симон Бокканегра, которого мне предстоит петь первый раз в Хьюстоне в 2006 году. К тому же Доминго меня страшно подставил. В интервью The Washington Post он рассказал, что в сезоне 2007/08 я буду петь в Вашингтонской опере Гамлета. И я ему пообещал. Если Доминго отказываешь, он

обижается, будто маленький ребенок. В прошлом я уже аннулировал несколько контрактов с Вашингтонской оперой. Так больше продолжаться не может. Если и в этот раз не получится, это будет позор.

известия: А чем российскую публику будете удивлять?

Хворостовский: Думаю, само по себе желание удивить заведомо обречено на неуспех. Я просто хочу всех людей, перед которыми выступаю, заставить полюбить то, что я люблю, - оперу.

известия: Разве можно заставить полюбить?

Хворостовский: Я хочу показать России, какие звезды есть на оперном небосклоне сегодня. Я готовлю большую серию концертов "Дмитрий Хворостовский & friends". Первой по моему приглашению в Россию приедет Рене Флеминг - знаменитая американская сопрано. В феврале мы дадим концерт в Большом зале Московской консерватории. А потом будет еще много-много выступлений. В каждом городе, где бывал, я чувствовал абсолютно искреннее желание людей, чтобы нечто подобное происходило в их жизни. И я не хочу ограничиваться лишь столицами. К тому же сейчас получается, что Москва - город с наименьшим потенциалом для подобного проекта в плане концертных залов. Большой театр закрылся на реконструкцию, Консерватория на ладан дышит, в Доме музыки петь невозможно. Я хочу привезти в Россию не Доминго и Паваротти...

известия: Они вам - не друзья?

Хворостовский: Это люди, которых я не должен приглашать, из элементарного уважения, обожания и субординации. Они должны приглашать меня. Это мэтры, годящиеся мне в отцы. Я буду приглашать своих ровесников, людей младше меня. Сегодня я уже вошел в ту "весовую категорию", когда могу выбирать, кого пригласить.

Везде, а особенно в России, где жизнь абсолютно авторитарна, без чьей-либо поддержки, защиты, протекции и покровительства ты - никто, пустое место, ты не можешь сделать ни шагу. Чтобы что-то делать, надо знать людей, нужно уметь пользоваться своим влиянием для того, чтобы выходило дело. В мире все построено исключительно на личных контактах. Я к этому не привык. Но теперь учусь подобной модели взаимоотношений. Гергиев всю жизнь работает исключительно на личных контактах. Люди дают друг другу слово, и это происходит ровно так, как они договорились. Это и интересно, и ответственность повышает. Если я пообещал, так оно и будет, если даже для этого мне придется сдвинуть горы.

И я хочу позвать потрясающего баса Рене Папе, потрясающих теноров Роландо Виллазона, Сальваторе Личитру и Марчелло Джордани, Анну Нетребко. Многих, очень многих великолепных певцов, которые делают оперу сегодня в самых лучших оперных театрах мира. Это будут концерты вдвоем или втроем - с серьезными или шутивными

программами. Каждый раз по-разному. И если мое имя способно как-то помочь, чтобы в России наконец услышали лучшие голоса планеты, я этому очень рад. Правда, я не знаю, каковы будут временные лимиты и желание моих друзей заехать далеко в Россию. Страшно ведь всем. Россия для них - страна далекая и неведомая. А мне хотелось бы им показать ту Россию, которую я знаю и люблю.

известия: А почему страшно?

Хворостовский: Еще совсем недавно мир был совершенно иным. Если раньше, лет десять назад, казалось, что мир стремится к стиранию гражданств и границ, то сегодня, по моему, началось ускоренное движение в обратном направлении. Потому что случилась война. Террористическая. 6 июля у меня была премьера "Риголетто" в Covent Garden. После спектакля я взял такси. За рулем, как это часто бывает в Лондоне, сидел мусульманин. И мы с ним разговорились на тему, как хорошо в Лондоне живется, где всем народам и религиям есть место. А на следующее утро такая трагедия случилась.

Это пощечина таким людям, как этот водитель такси, который в Лондоне прожил тридцать лет. И таких людей большинство, 99 процентов. Тогда было состояние ужасного шока. Люди боялись выходить на улицу. Я больше в метро не езжу. Не хочу. И не допускаю, чтобы мои дети ездили. Все, конечно, стало намного сложнее. Люди, которые зомбировали этих подростков на террор, добились своей цели очень легко.

известия: После случившегося у вас не возникло желания уехать из Лондона?

Хворостовский: У меня была такая мысль еще до всех этих печальных событий. Но чем больше я живу в Лондоне, тем больше мне хочется там находиться. Сегодня мы все в любой точке мира ходим под этим дамокловым мечом. Никто никому не даст никаких гарантий, что в следующий раз это не случится в Москве, Риме, Париже или Токио. Это кошмар под названием "война", от которого скрыться невозможно.

известия: И как же жить в подобной ситуации?

Хворостовский: От такой черной массы, думаю, никакого противоядия не существует. Во всяком случае сегодня. А в будущем, наверное, применят совершенно страшное средство - введут всем людям под кожу микрочипы, по которым откуда угодно можно будет отслеживать любые передвижения человека. Все именно к этому идет. Не знаю, в какой прогрессии все это будет развиваться. Но, наверное, к концу XXI века это станет реальностью, в которой люди научатся счастливо жить.

Сольные диски Дмитрия Хворостовского

1. Tchaikovsky and Verdi Arias. Чайковский и Верди. Дмитрий Хворостовский и Роттердамский симфонический оркестр. Дирижер Валерий Гергиев. Philips - 426 740-2. 1990 год.
2. Russian Romances. Чайковский и Рахманинов. Дмитрий Хворостовский и Олег Бошнякович

(ф-но). Philips - 432 119-2. 1991 год.

3. Dark Eyes. Русские народные песни и старинные романсы. Дмитрий Хворостовский и Русский народный оркестр имени Н.П. Осипова. Дирижер Николай Калинин. Philips - 434 080-2. 1991 год.

4. Bel Canto Arias. Россини, Доницетти, Беллини. Дмитрий Хворостовский и Philharmonia Orchestra. Дирижер Ион Марин. Philips - 434 912-2. 1994 год.

5. Songs and Dances of Death. Римский-Корсаков, Бородин, Рубинштейн, Рахманинов, Мусоргский. Дмитрий Хворостовский и оркестр Kirov Opera. Дирижер Валерий Гергиев. Philips - 438 872-2. 1994 год.

6. My Restless Soul. Чайковский, Бородин, Римский-Корсаков, Рахманинов. Дмитрий Хворостовский и Михаил Аркадьев (ф-но).

7. Credo. Русские духовные песнопения. Дмитрий Хворостовский и Санкт-Петербургский камерный хор под руководством Николая Корнева. Philips - 446 089-2. 1996 год.

8. Dmitri. Россини, Верди, Беллини, Доницетти, Чайковский, Римский-Корсаков. Дмитрий Хворостовский. Philips - 454 395-2. 1996 год.

9. Russia Cast Adrift. Свиридов, Рахманинов. Дмитрий Хворостовский и Михаил Аркадьев (ф-но). Philips - 446 666-2. 1996 год.

10. Arie Antiche. Старинные арии. Дмитрий Хворостовский и оркестр Academy of St Martin in the Fields. Дирижер Невилл Марринер. Philips - 456 543-2. 1997 год.

11. Kalinka. Русские народные песни. Дмитрий Хворостовский и Санкт-Петербургский камерный хор под руководством Николая Корнева. Philips - 456 399-2. 1998 год.

12. Olga and Dmitri, Arias and Duets. Россини, Доницетти, Римский-Корсаков, Сен-Санс. Дмитрий Хворостовский и Ольга Бородина. English Chamber Orchestra. Дирижер Патрик Саммерс. Philips - 454 439-2. 1998 год.

13. Passione di Napoli. Неаполитанские песни. Дмитрий Хворостовский и Государственный камерный оркестр России. Дирижер Константин Орбелян. Delos - DE 3290. 2001 год.

14. From Russia With Love. Гендель, Россини, Верди, Доницетти, Глюк, Джордани, Чайковский. Дмитрий Хворостовский и Кири Те Канава. Philips - 468 682-2. 2001 год.

15. I met you, my love. Старинные русские романсы.

16. Verdi Arias. Верди. Дмитрий Хворостовский и Государственный камерный оркестр России. Дирижер Марио Бернарди. Delos - DE 3292. 2002 год.

17. Where are You, my Brothers? Песни военных лет. Дмитрий Хворостовский. Государственный

камерный оркестр России. Дирижер Константин Орбелян. Delos - DE 3315. 2003 год.

18. Georgi Sviridov: Petersburg a Vocal Poem. Свиридов. Дмитрий Хворостовский и Михаил Аркадьев (ф-но). Delos - DE 3311. 2004 год.

19. Dmitri Hvorostovsky in Moscow. Верди, Моцарт, Римский-Корсаков, Беллини, Доницетти и др. Дмитрий Хворостовский, Екатерина Сюрица, Марина Домашенко. Государственный камерный оркестр России. Дирижер Константин Орбелян. Boheme Music - CDBMR 402281. 2004 год.

20. Moscow Nights. Песни советских композиторов. Дмитрий Хворостовский. Государственный камерный оркестр России. Дирижер Константин Орбелян. Delos - DE 3339. 2005 год. 01.